

Николай Асекритов

ПОВЕСТЬ
О
ЗАГАДОЧНОМ ПРОФЕССОРЕ

12+

Николай Асекритов
Повесть о загадочном
профессоре

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63613156
SelfPub; 2020*

Аннотация

Молодую программистку, которую друзья зовут Холмсом, просят разобраться в истории 1936 года. Холмс берется за дело, и ей открываются подробности, о которых она и не подозревала.

Николай Асекритов

Повесть о загадочном профессоре

Все герои данной книги вымышлены, исторические факты – действительные. Нахальный посетитель.

Я уже рассказывал вам о Саше Востряковой. Мы учились с ней в одной школе, вместе ходили на уроки. Еще в школе ее прозвали Холмсом за ее страсть расследовать разные запутанные истории. Теперь она – вольный программист. Сотрудничает с различными банками и корпорациями, когда у тех возникают проблемы с компьютерной безопасностью и время от времени выполняет поручения своей тетушки, которая никак не может смириться, что ее племянница до сих пор не замужем. Поэтому, она постоянно подсовывает ей различные дела, которые связаны с ее подружками, имеющими холостых или разведенных сыновей.

Сашу эти хлопоты смешат, но она терпеливо выполняет порученные ей дела.

Вот и сегодня мне открыл дверь взъерошенный молодой человек с одной шлепанцей на ноге. Его взгляд был немного затуманен и блуждал.

– Добрый день, меня зовут Сергей. – Промолвил он и удалился в сторону кухни, откуда по всей квартире разливался

запах кофе.

На кухне, куда я вошел, царила идиллия. Сергей, совсем не обращая на меня внимания, уселся поближе к кофе и с нетерпением протягивал Холмсу кружку, ожидая очередной порции ароматного напитка. Если бы я не нашел своих любимых тапок на привычном месте, то в голову бы пришли разные подозрения о его праве на место в этой квартире. Но тапки лежали на привычном месте, значит этот Сергей был очередным клиентом Холмса. И судя по его виду и поведению, он относился к тем странным клиентам, которые подкидывала ей ее тетушка.

– Ну, и в чем у нас сегодня проблема? – Спросил я, наливая кофе в чашку.

Сергея мой вопрос совсем не удивил.

– Профессор Кузин и его дело... – Задумчиво произнес он, не отрывая взгляда от льющегося в кружку кофе.

– Так это когда же было... – Я вспомнил, что эта фамилия значилась на старой книге в отцовской библиотеке.

– Тридцать шестой. Но дело не в этом. Мне неясно, почему про это дело так много говорят и кто его породил...

– Кто породил, вроде бы, выяснили... Была статья в «Правде», кажется, «О врагах в советской маске», где он указывался как вредитель...

– Все так... – Сергей гипнотизировал кофе. – Только не совсем так... Автор статьи плохо разбирался в математике тех лет. Конечно, он был математиком, более того, учени-

ком Эйнштейна... Но, честно говоря, Эйнштейн пользовался дурной репутацией среди математиков. Характеристика Минковского, что он не способен понять современных математических методов была, как мне кажется, не безосновательной. В его работе по теории относительности используется аппарат, исключительно середины девятнадцатого века в то время, когда его учителя разрабатывали инструменты, легшие в основу квантовой физики...

– И о чем это говорит? – Спросил я.

– Кузина обвиняли в плагиате работ его ученика, Муслина... Но тот умер в девятнадцатом... Кроме того, работали они вместе с Кузиным и Карпински в МГУ и есть теоремы Кузина-Карпински, которые, якобы, получил Муслин.

– Постой, постой... Это тот Карпинский, которого ковер? Мне отец в школе все уши прожужжал про него... Основатель теории измеримых множеств... Вроде бы, ковер покрывает весь пол, но площадь его равна нулю...

– Совершенно верно. Моль, которая его поедает, съедает только одну девятую часть уцелевшей части ковра, но выборочно. Поэтому, ковер по-прежнему покрывает пол, но площадь его становится нулевой.

– И хочешь сказать, что этот Карпински и Кузин присвоили результаты Муслина? Какая чушь! Карпински был настолько безумно-гениален, что ему не требовалось присваивать чужие работы. И потом, Карпински жил, кажется в Варшаве...

Сергей оторвался от кофе.

– Это он до Первой мировой жил в Варшаве, а во время войны его интернировали в Москву... И там он с Кузиным заложил основу современной математики.

– Так Кузина обвиняли за связь с Карпински?

– Вот тут и загадка... – Он задумчиво стал помешивать кофе – Карпински в деле практически не упоминается. Как будто результаты, которые у Муслина он якобы украл, к нему не имели отношения, но Карпински опубликовал свои теоремы, указывая Кузина и себя, сказав, что частный случай принадлежит Муслину. А в чем обвиняли Кузина, так это за связь с Дебегом, который преподавал в артиллерийской академии Франции... Мол, работал на французскую разведку...

– Постой! Это тот Дебег, которые множества, меры и пространства?

– Да!.. И тут мне совсем непонятно... Украл, будто, с Карпински, а обвиняли за Дебега...

– Как я вижу, мальчики, вы нашли общий язык... – Вмешалась Холмс. – Тетушка просила помочь Сереже и расследовать это дело. Как сам понимаешь, это ее пожелание прозвучало, как приказ. Теперь понятно чем мы будем заниматься? И все-таки, мне непонятна в этом деле позиция Алексашина... Казалось бы, ключевая фигура, а он стоит как-то в стороне... Почему в стороне? Что за этим стоит?

– Ну, тут все понятно... – Отозвался Сергей. – Историю математики, как и энциклопедию деятелей писал Стольман,

который написал статью, а потом Алексашин и его ученик Богомилов... Как они могли написать то, что их разоблачает?

– А кто такой этот Стольман?

– Венгерский коммунист, агент ВЧК, революционер, в общем... Кстати, в семьдесят шестом эмигрировал в Швецию, запросил политического убежища и написал открытое письмо Брежневу, обвиняя коммунистов во всех грехах, в том числе и развале науки. Но про дело Кузина – умолчал. Почему, кстати?

– Наверное, стыдно было... А может быть, тогда не дали убежища...

– Значит, будем разбираться... – В голосе Сашеньки прозвучала сталь. Такую сталь не расходуют на изготовление кухонных ножей, она идет на изготовление клинков или гильотин.

– И с чего начнем? – Спросил я.

– С него и начнем, с Карпински...

Надо признаться, Холмс всегда поражала меня. Не прошло и пятнадцати минут, как мы услышали ее возглас «Нашла!» из комнаты. Мы бросились туда.

– Смотрите, вот что пишет Карпински про эту историю:

«Каждый, кто хоть немного знает Кузина, понимает, что подобный упрек не имеет никаких оснований. Действия г-на Алексашина и его компаньонов, конечно, есть такая подлость, на которую, что даже невозможно представить, был

бы способен ученый.»

– Значит, ключ истории у Алексашина... Ищем.

Технологию поиска Холмс знает лучше всех. Я так и не понял, как она это делает, но она находит все моментально. Причем, набирает совершенно невозможные комбинации слов.

В свое время, я пытался перенять ее манеру поиска, потратил не один день на запоминание специальных команд поисковиков, но так и не сумел научиться этому искусству.

– Надо не пробовать искать, как человек, – объясняла мне Холмс, – ты имеешь дело с обычным автоматом. Все дело в построении поисковой фразы. Сначала ищется совпадение по первой ключевой части поискового запроса, именно его и ставишь в начало.

В общем, как я понял, чтобы хорошо искать, надо думать, как компьютер, а не как человек.

Не прошло и получаса, как мы сидели и читали воспоминания Алексашина ничего не понимая... Как мог такой человек достичь вершин математики?

– Я ничего не понимаю... – Только и повторял Сергей. – У меня были проблемы с перерывами в занятиях... Я не занимался математикой полгода, но и этого времени хватило, чтобы я потерял форму на целых два... Как это возможно? Не заниматься целых три года и потом не только разговаривать с другими на равных, но и получать результаты...

– Воистину, невероятно... – Бормотала Холмс. – Кто же

ты такой? Что или кто вел тебя по дороге науки?

Здание ВЧК в Чернигове.

Входит молодой человек в кожанке и фуражке. Часовой отдает ему честь. Видно, что он знает его в лицо,

– Товарищ Алексашин, вас просил зайти к нему товарищ Тридерский.

Молодой человек кивает и подымается по лестнице.

Входит в кабинет с надписью начальник комиссии по борьбе с спекуляцией.

Владелец кабинета просматривает бумаги, некоторые рвет, другие складывает в стопку, оглядывается.

– А, Пармен, вот, собираюсь в Москву. Поступил приказ тебя и меня вызывают в центр. По-видимому, нас ждет новое задание. Не знаю какое, но дело предстоит серьезное. Сам Арцимович подписал приказ. Ты помнишь, как мы с ним работали в тылу у деникинцев?

Мечтательно улыбается, потом улыбка сменяется суровым выражением.

– Видимо, снова в тылу у контры работать...

Поезд идет медленно. Вокруг сидят мешочники. Тридерский и Алексашин сидят у окна. Тридерский смотрит на суету в вагоне и говорит:

– Да... Тяжело война ударила по России... Вокруг разруха, враги... И это все надо подымать. Ты думаешь, легко будет заставить мужиков снова выращивать хлеб и поставлять

в город?

– Не просто... Тем более, что каждый из них мечтает только о том, чтобы набить брюхо... Смотри, вон – дядька... Сразу видно, что в мешке – сало на продажу. В городе за это сало можно золотишка наменять... А там – всадники на горизонте. Небось, его же сыновья видишь что кожухи оттопыриаются на поясе? Там явно обрезы. Может быть его сыновья или племянники племянники Наверняка, в банде... Заставь такого строить светлое будущее для всего человечества... Горло перегрызет... Не сам конечно, а может и сам... Но ночью, спящего.

Дядька, прислушиваясь к их шёпоту и видя их недобрые взгляды, засуетился, подхватил свои торбы и пересел от них подальше.

Москва. Лубянская площадь, здание ВЧК.

Тридерский и Алексашин входят в кабинет. За столом сидит человек, просматривает бумаги. Подымает голову:

– Товарищи Тридерский и Алексашин? Здравствуйте! Как доехали? На месте вас хорошо рекомендуют, как опытных работников подполья. Надеюсь, вы понимаете, что гражданская война не кончилась. Она перешла в новую фазу. Теперь нам предстоит более трудная задача, чем та, что стояла перед нами. Насущный вопрос настоящего момента заключается в том, что без науки нам не победить разруху. Но, как вы знаете, большинство ученых, как и вся интеллигенция, сочувствуют кадетам. А следовательно, являются вра-

гами советской власти.

Нашей задачей будет выявить этих врагов и обезвредить их. Но при этом, надо уметь отличать сомневающихся и, пусть и враждебно настроенных, но готовых трудиться на благо народа. Пусть злопыхают у себя в кабинетах.

Главное, чтобы они помогли нам вырастить своих, преданных делу революции, ученых. Пусть помогают нам найти самородков среди пролетарской молодежи. С ними мы успеем еще расправиться. Они должны помочь нам выполнять нашу задачу по созданию пролетарской науки. А потом – пусть идут на все четыре стороны...

Имея свою науку, Советская власть может отправить их на свалку истории. Но, пока, они нам остро необходимы и нужно за ними присматривать.

Товарищ Тридерский, вы направляетесь в сельхозакадемию. Ваша задача возглавить ее, организовать работу. Там есть крепкое ядро. В вашем распоряжении будет товарищ Вавилов с группой ученых, которую он собрал вокруг себя.

Вам, товарищ Алексашин, будет задача потруднее. Вы у нас математик?

– Да, занимался трансфинитными числами...

– Вот и продолжайте заниматься. Ваша задача будет внедриться в этот круг, стать своим среди математиков. Стать профессором и постараться возглавить всю деятельность этих болтунов. Учиться, замечать, привлекать к себе молодых и влиять на них.

Старый университетский особняк выглядел заброшено. Бюст Ломоносова печально смотрелся на фоне обшарпанного здания. Только церковь выделялась каким-то подобием отделки.

«Наука – трудящимся» прочитал Пармен на фронтоне. Оглядевшись, он зашел внутрь.

– Пармен?! – Из-за стола вставал Кузин. – Откуда? Как?

– Вот, приехал, Николай Николаевич. Примете снова в ученики?

– А не забыли все?

– Кое что забыл, но я восстановлю... Я читал лекции по математике в Черниговском Педагогическом институте... Кое что восстановил. Но потом заболел тифом.

– Уверен, быстро восстановите. Ох уж этот тиф... Вы знаете, голубчик, Михаил Яковлевич Муслин умер от тифа. Какой был талант! Но вы же работали с ним. Может быть, продолжите его работу? Сдадите магистерские экзамены и начинайте... Где вы, кстати, сейчас живете?

Вопрос застал Пармена врасплох. Не говорить же, что пока он остановился в общежитии для работников ГПУ...

– Пока, нигде... Сразу сюда.

– Ну, голубчик... Это – разрешимо. Сейчас много порядочных людей испытывают необходимость сдавать комнаты. Хотя бы, на время... Уплотнение, знаете ли...

– Я думаю, остановлюсь у брата.

– Ну, хорошо, хорошо, голубчик... Значит вечером... Вы

знаете, что занятия в университете проходят вечером? Я вас проведу к Дмитрию Федоровичу Ермилову и вы договоритесь о времени сдачи магистерских экзаменов.

– Дмитрий Федорович! Он не уехал? С большим удовольствием встречусь. Наверное, он и экзамены будет принимать?

– Он, он, голубчик... Строг, требователен, не ко времени... Какой студент сейчас пошел? Не все окончили гимназию, но очень много способных, прямо скажем, талантливых. Взять хоть Павла Самуиловича Урельсона... Замечательная голова! В дни смутные работал самостоятельно, а два года назад, когда мы вернулись сюда из Иваново, явился, сдал выпускные, будет сдавать магистранские и представил замечательную работу. Теперь научный сотрудник в Институте Математики, профессор. Разрабатывает замечательную науку. Назвал ее *analysis situs*, немцы называют ее топологией. Чрезвычайно перспективное направление, я вам скажу... Вы не знакомы с ним?

– Нет, не довелось...

– Ну, хорошо, голубчик... Познакомлю, наверстаете. До вечера.

– Все страньше и страньше, как сказала бы Алиса... – Пробормотала Холмс. – Вот тут, в его мемуарах говорится о его отце: «После его смерти моей матери была назначена персональная пенсия и за ней была пожизненно закреплена

квартира при Смоленской больнице.»... Значит, он был комиссар, начальник ГубЗдравотдела... А сын сделал карьеру в Политпросвете, а если его оставили в занятом деникинцами Чернигове, то значит, что он был в ЧК...

– Вы, как хотите, ребята, – заявил вдруг Сергей, – Но дальше я в эти игры не играю... Мой руководитель – ученик Алексашина, и он меня за все эти знания по голове не погладит...

– А тебе не приходило в голову, – насмешливо прищурилась на него Холмс, – почему ни Янтовская, ни Стольман так до самой смерти и не сказали ни слова о деле Кузина, как будто дали подписку о неразглашении, причем таким людям, которые найдут на дне моря...

– Кто такая Янтовская? – Взвился я.

– Тоже интересная фигура... Политработник в Гражданскую, работник Одесского губкома, институт Красной профессуры, специализируется на философских проблемах математики, выявляет идеализм и вредительство, с тридцать первого – профессор и член математического общества, а с тридцать пятого – доктор физ-мат наук без защиты диссертации... Каково? Она прорабатывала всех учеников Кузина. Ну, с ней понятно – она умерла в Москве... Но молчание Стольмана – настораживает. Кого еще можно было бояться в Швеции семидесятых, кроме потомков борцов за пролетарское будущее человечества?

– Вы хотя бы иногда слушаете себя?! – Неожиданно взо-

рвался Сергей. – Все это напоминает кошмарную теорию вселенского заговора...

– Ну, не более, чем фраза «Весь мир насилья мы разрушим» – Усмехнулась Холмс.

– Это только образ. – Пробормотал Сергей.

– Но образ, который четверть века был гимном... – Сложить мнение Холмса на моей памяти не удалось еще никому.

Побагровевший Сергей несколько минут разевал рот, словно пытался проглотить слова, которые рвались наружу, потом стремительно выскочил в коридор и мы услышали как хлопнула входная дверь.

– Спекся... – Приговор Холмса звучал холодно и беспощадно.

Москва тысяча девятьсот двадцать первого года представляла собой печальное зрелище. Запущенные здания, оборванное и голодное население. За Гражданскую войну, несмотря на то, что стала столицей, число ее жителей сократилось почти в два раза.

Прохожие на улицах уже не выглядели вольготно-беззаботными, как раньше, они торопливо и суетливо прошмыгивали по улицам, втянув голову в плечи. По улицам не раскатывали вальяжные ямщики, только тянулись унылые телеги, да сновали суетливо авто, покрякивая своими клаксонами.

В глаза бросались только служащие, которые были немного лучше одеты, да беспризорники со своими чумазыми ли-

цами. Среди этого унылого потока (если это можно было назвать потоком) людей выделялись два молодых человека, которые целеустремленно шли куда-то, разговаривая на ходу. Лицо одного из них показалось Пармену знакомым. Видимо и он произвел такое же впечатление потому, что поравнявшись с ним, молодой человек деловито поздоровался, но не остановился, продолжая беседу. До Пармена донеслись слова «гомеоморфизм» и «поверхности». Похоже, что это были будущие коллеги.

Пармен не спеша прогуливался по Волхонке. Следовало продумать, как представить свое бытие в университете. По той информации, что он получил, студенты университета не получают никакого содержания, поэтому занятия проводятся вечером. Студенты Технического училища, как будущие инженеры, получают по фунту хлеба в день и четыре селедки в месяц. На этот паек можно как-то проживать, не умирая с голоду, но тратить время на обучение в училище и восстанавливать свои пробелы в математике ему не по плечу. Придется рассчитывать на паек, который дает ему ГПУ. Но для того, чтобы это не вызывало подозрений, придется делать вид, что живешь у родителей в Смоленске. Там, действительно, жить немного легче. Но там нет необходимой ему литературы. Впрочем, надо сначала оглядеться.

Как в довоенные времена, на собрании у Кузина было шумно и весело. Кто-то рассказывал смешные истории из

жизни знаменитых математиков, кто-то шумно обсуждал доказательство, которое принес сюда для обсуждения, но все стихли, когда в аудиторию вошли Кузин и Ермилов.

И если все, кто окружали Пармена, были ему незнакомы, то эти два лица сразу напомнили былые времена, когда они с Мишей Муслиным точно такими же зелеными студентами спорили здесь о своих задумках, которые принесли на строгий профессорский суд.

Кузин сразу выделил его среди толпы и пригласил к себе.

– Знакомьтесь, друзья! – Несколько театрально провозгласил он. – Блудный сын вернулся из кромешной смуты...

Пармен заметил, что лицо Ермилова передернула насмешливая улыбка.

– В прошлом месяце я рассказывал вам про аналитические множества... И вот к нам вернулся один из авторов их. К сожалению, второго мы потеряли по причине тифа.

На лицах присутствующих Пармен заметил уважительный интерес, смешанный с некоторым восхищением.

– Не преувеличивайте, Николай Николаевич, – преодолевая смущение, сказал он, – вся основная работа была проделана Михаилом. Я лишь подал идею и доказал некоторые свойства.

– Но какова была идея! – Лицо Кузина было похоже на лицо актера, которому вздумалось сыграть Архимеда в домашнем театре. – На этой идеи у Михаила Яковлевича стали такие плоды расти!... Куда там развесистой клюкве... Впро-

чем, вы пока у нас не в курсе... Так сказать, с корабля на бал. Присаживайтесь и послушайте. Вот, хоть, рядом с Павлом Самуиловичем... Так сказать, на рыцарском месте...

Павлом Самуиловичем оказался тот молодой человек, с которым он столкнулся недавно на улице. Его спутник сидел поодаль, вжавшись в стенку и благоговейно слушавший все, что происходило вокруг.

– Добрый вечер! Не узнаете меня? – Дружелюбно обратился к Пармену его сосед. – Павел Урельсон... Я был на первом курсе. Когда вы докладывали об А-множествах. Потом Михаил Самуилович развил эту теорию и превратил в отдельный раздел. Кстати, как вы относитесь к Бетховену? Мне достали две контрамарки в малый зал Консерватории, не желаете сходить со мной?

Пармен с улыбкой кивнул и знаком показал, что внимательно слушает докладчика.

Время и война сделали свое дело. Почти ничего из того, что говорилось и обсуждалось не было ему понятно. В голове умещались лишь некоторые знакомые слова, которые со звоном прыгали в гудящем пустом пространстве. Он начал понимать, что задача, которая стоит перед ним может быть не только сверхсложной, но и почти невыполнимой. А ведь ему еще предстояло сдать магистрантские экзамены, и сдавать их придется не благодушному Кузину, а сидевшему рядом с ним сердито нахмутившему Ермилову, который, казалось, готов был душу вытянуть из каждого докладчика.

На следующий день после поспешного бегства Сергея, Холмс встретила меня в дверях с горящими глазами.

– Кажется, все еще более запутано, чем кажется сначала...

Смотри.

Я стал читать тот документ, который был на экране и не поверил своим глазам.

– Так он обвинял или не обвинял?

– Вот и мне непонятно... Кто же он, все-таки? И как ему удалось стать таким математиком?

Где же зарыта собака?

Они бродили всю ночь, как сумасшедшие или влюбленные. Подчас Пармену казалось, что перед ним не математик, а безумный поэт.

– Ты понимаешь, Пармен, какие возможности возникают? И аналитические множества, которые вы с Муслиным придумали, а Николай Николаевич развил – еще цветочки перед теми просторами, которые нам открываются... Нам надо быстрее сдавать магистрантские экзамены и добиться, чтобы нас направили в Германию, к Гильберту, Минковскому... Там сейчас творится истинно новая математика. Они открыли целые пространства, целый аппарат, который позволяет решать задачи, не решаемые старым... Там творится истинная революция...

– Постой, мне хотя бы вспомнить все... Я уже не говорю о магистрантских экзаменах.

– С экзаменами я тебе помогу... Заодно и подтяну тебя. Нагонишь быстро... Ермилов, конечно дотошен и строг, да я все его лекции знаю... Главное, чтобы у тебя терпения хватило. А тебе точно это понравилось? Я тебе признаюсь, что ты второй человек, который так в *analisi sytus* вцепился... Есть еще один, но он еще студент.

– Уж не тот ли, с которым я тебя на улице встретил? Такой серьезный, диковатый...

– Вот уж, правда... Он в Техническом Училище учится, где я лекции читаю, а потом в университет бежит... И мне по пути с ним. Вот, чтобы времени не терять, я и начал ему по дороге лекции читать. Он схватывает все, как голодный... Будто его три года без еды держали.

– Что он в Техническом Училище делает? Учится из-за пайка?

– Ну, да. Так многие делают. Некоторые, правда, работают в учреждениях. Но, Бог с ними...

Ге же зарыта собака?

– Обыватель представляет себе математика, как человека, который увлечен числами. Но это совсем не так. Можно найти целую толпу математиков, которые с трудом преодолеют программу начальной школы, а уж таблицу умножения припомнят с большим трудом.

Рассуждала Сашенька, сидя на своем привычном месте на кухне, пока я варил кофе. Надо сказать, что во время расследования она никогда не могла справиться с этой задачей. Кофе обязательно или выкипал, или оставался ожидать, пока она не догадывалась зажечь огонь.

– Математика интересует, скорее красота, связывающая факты, чем численное содержание самих фактов. Гильберт как-то сказал про своего ученика: «Он стал поэтом, потому, что на математику не хватило фантазии». А то, что произошло с Алексашиным – совершенно невероятно. Он вернулся из поэзии театра в математику. Что-то мы упускаем...

В кабинете, куда вошел Пармен сидел неприметный человек, назвавшийся Федором Яковлевичем Кариным. Смуглый цвет лица выдавал в нем южанина.

– Садитесь, Пармен Сергеевич, Артур Христианович занят. Как ваши дела, как впечатления от работы, которая предстоит?

– Тяжелая работа. Боюсь, что могу не справиться... Все очень изменилось.

– Я понимаю, что изменилось. Но справиться надо. Ситуация сейчас не только сложная, а наисложнейшая. Повсюду крестьянские бунты, брожения умов. По секрету вам скажу, что недавно нами было обнаружено кадетское гнездо. И где? В самом Совнаркоме. В такой ситуации, партия вынуждена временно отступить от принципов. Так сказать, пере-

группироваться перед наступлением. Требуется передышка. Принято решение изменить экономическое и политическое положение. Разрешить на время частный капитал. Но перед этим придется провести чистку. И, если всяких там писателей, философов, историков мы можем выбросить за борт, отправив их за границу, то математиков, химиков, физиков и инженеров мы подарить мировому капиталу не имеем права. Республика еще не настолько окрепла, чтобы разбрасываться этими кадрами.

– Это я понимаю, но и вы поймите. Я столько времени не занимался математикой, что догнать, а не то что возглавить, будет невероятно сложно.

– Сложно – не значит невозможно. В конце концов, вы член партии и обязаны подчиняться партийной дисциплине. Если для революции требуется, чтобы вы нагнали и возглавили, то надо прилагать все усилия, которые потребуются. В свою очередь, мы дадим вам в помощь верного товарища. Она недавно закончила дело, связанное с литературой и сейчас вполне может переключиться на ваше. Впрочем, вы кажется знакомы, Екатерина Хигес. Сестра вашего учителя гимназии. Она сыграет в вашем деле роль вашей жены, салон, который она организует, будет прекрасной ловушкой для развязывания языков. Ей это отлично знакомо. В конце концов, если нет возможности сделать открытие, то его надо украсть. И в этом ваша будущая жена будет вам в помощь.

К трем часам Пармен лежал на кровати в уютненькой ком-

нате бывшей гостиницы Фальцфейна, которая служила общежитием для служащих Наркомпроса. Сама по себе процедура заключения брака была простая. Они зашли в комнату, которая была в исполкоме, их записали в грессбух и сухо поздравили с образованием новой семьи. Благодаря своей службе, Катеньке, которая оказалась очень миловидной, без излишнего жеманства барышней, она имела доступ к всевозможной литературе. Закончив обучение на математическом факультете, сейчас она работала в библиотеке Наркомпроса, а вечерами посещала литературные курсы, организованные Брюсовым.

– Так ты и стихи пишешь? – Удивился Пармен.

– Так... Пописываю. Есенину нравились, а Брюсов прочитал и молвил «Могу только сказать подойдут они в журнал, или нет...» и вернул обратно...

С ней Пармен не ощущал той неловкости, которая возникала у него обыкновенно с женщинами. Катенька была скромна до безрассудства и угадывала его желания без слов. Страсть вырывалась из нее порывами, которые тотчас скрывались за маской миловидности, как только она чувствовала ее неуместность.

– Ты знала Есенина?

– Почему знала? Мы и сейчас знакомы. Только я отдалась. Так требует работа.

В ее устах слово работа прозвучали как будто она говорила о великом служении.

Пармен никак не мог угадать ее характер. С одной стороны она была яро предана революции, с другой – ее скрытая, почти неутолимая страстность и в тот же миг, она оборачивалась уютной и скромной барышней, в которую не только революционная, но и обычная женская страсть должны были приводить в трепет.

– Трудно было?

– С поэтами? Нет. Надо было только быть искренней в чувствах. Есенин делил всех на две категории «видящих» и «слепых», а про женщин говорил, что они любят «умом, сердцем и кровью». Меня он относил к «видящим» и любящих сердцем. Если бы ты знал какая карусель левых эсеров крутилась вокруг него. Как много перебежчиков из их лагеря искало с ним встречи после провала их переворота... Многие из них до сих пор работают на Лубянке, но за ними теперь приглядывают другие товарищи, а я перешла из штата ГПУ в ЛИТО, к Луначарскому. Ах, какие раньше вокруг меня были поэты... А теперь – этот манерный Брюсов, задавака Бугаев-белый, Гершензон... Все они не стоят и мизинца Есенина или Мариенгофа.

– А чем занимается это ваше ЛИТО?

– ЛИТО – литературно-издательский отдел. Занимается изданием классического наследия, а заодно просматривает все, что выпускается в печать. Своего рода цензура. Ее как бы нет, но мы – есть. Наша работа деликатна и ответственна. С одной стороны, мы не должны показывать, что держим под

контролем литературу, а с другой – сам понимаешь – нельзя же этих писателей и поэтов оставлять без присмотра.

– Да... Без присмотра их оставлять нельзя.

– А ваша библиотека получает математические журналы?

– Не получала, но теперь они будут проходить через меня, а значит – через тебя. Не беспокойся. Ты будешь их просматривать первым. Если необходимо, некоторые номера будут задерживаться для тебя.

Найден след.

– Должен быть какой-то ключик ко всей этой ситуации...

– Холмс бормотала это, привычно раскачиваясь на табуретке. – Должен найтись человек, который помог ему написать... Давай посмотрим его окружение.

Решительно поднявшись, она устремилась к компьютеру.

Кофе, разумеется побоку. Сколько раз мне приходилось разогревать его, знает один только Бог... Когда ее захватывает задача, она ни о чем уже думать не может. Либо уставится в экран, либо мечется по комнате, сшибая все на своем пути. Может быть, потому я ей и нужен...

– В подобных исследованиях необходимо найти розетский камень...

– Что за камень такой?

– Камень, благодаря которому были расшифрованы египетские иероглифы... Он содержал один и тот же текст

на греческом и иероглифами. И позволил сопоставить два идентичных текста.

– Значит, его окружении должен быть человек, который не только обладал педагогический талант, но и такой, который видел все по-другому?

– Именно! Как замечательно подмечено! И этот человек у нас есть...

– И кто же он?

– Ты не догадываешься? Более того, этот человек достоин того, чтобы им пожертвовать...

– Как так?

– Он должен быть из враждебного лагеря. Ты никогда не задумывался почему и как Урельсон оказался в Москве в 1912 году?

– Он приехал учиться в гимназии...

– А почему его не принимали в Одессе?

– Не проходил еврейскую норму...

– Именно, а в Москве он поступил в частную гимназию...

И переезд не помешал пересечь черту оседлости. А кто ее мог пересекать?

– Врачи, художники...

– А еще купцы первой гильдии и банкиры. Так вот, его отец и подходил под последний пункт...

– Банкир?

– Представь себе... «Банкирский дом братьев Урельсон»...

– Но как тогда он не попал под репрессии?

– Частично подпал... В дневниках, отрывки которых публикует его сестра, упоминается, что он принимал участие в расчистке улиц... Но кроме того, он был еще и советским служащим...

– Розетский камень?

– Он...

Упорный труд.

Пармен и не подозревал, что можно так просто объяснить те разделы математики, над которыми он в студенческие годы так долго бился. Павел болтал о теоремах, леммах и доказательствах, как будто речь шла о разных видах пирожных в кофейной Финиковых, в которую оба любили забегать в детстве.

Все выстраивалось в необычайно красивую и стройную теорию, которую сразу стало легко запомнить.

Единственно что огорчало, так это полное отсутствие его реакции на ухищрения Екатерины. Все ее попытки обворовать – пропадали, как будто камни, брошенные в бездонный колодец. И, наконец, и учитель и ученик приняли решение, что лучше будет заниматься у Павла на квартире.

Осенние листья шуршали у нас под ногами. Мы с Холмсом медленно брели по пожелтевшему скверу. Прохладный воздух раздвинул ее щеки. Невдалеке чирикали дети, а скучающие мамы обсуждали какие-то свои насущные де-

ла, готовые перерасти в глобальную катастрофу.

Сашенька уже две недели не вылезала из поисковиков и архивных запросов, питаюсь только тем, что приносил ей я. Этот рацион имел один недостаток: увлекаясь своими поисками, она постоянно срывалась с места, и наутро мне приходилось выбрасывать в мусорное ведро кучу засохшей еды и пустые пакеты от моего любимого печенья, которым она заменяла нормальную пищу.

Зеленых человечков видят все пешеходы ежедневно, но видеть спокойно зеленую и прозрачную любимую девушку не сможет ни один мужчина. Поэтому, я не выдержал, сгреб ее в охапку, заставил наскоро одеться и вытащил в кафе, которое располагалось в ближайшем сквере.

Коварность моего плана состояла в том, чтобы сменить ей обстановку, вытащить на свежий воздух и покормить ее в спокойной атмосфере.

Кафе, куда я привел ее поесть, отображало все перипетии нашего общества.

Сначала это было обычное кафе-мороженое, которое пустовало в холодное время, но радовало начальство перевыполнением плана в летние месяцы.

Потом наступила перестройка, и его приватизировала группа предприимчивых актеров из расположенного неподалеку театра. Они мечтали устроить что-то вроде «Бродячей собаки», где поэты должны были читать свои стихи, актеры делились своими планами, а режиссеры подбирали но-

вых звезд для своих спектаклей.

Очень скоро они убедились, что соловья баснями не кормят. И артисты, и писатели и поэты, а особенно режиссеры, приходили в это место исключительно для того, чтобы по знакомству поест на дармовщинку... Не стоит и говорить, что судьба этой «собаки» в точности повторила судьбу своих биологических собратьев.

Затем ее приобрел ловкий одессит, который повесил вывеску «Как у мамы» и выбрал направление на домашнюю кухню. Но одесская мама не ужилась с местными бандитами, а особенно с инспекторами торгинспекции, пожарными и прочими паразитами мелкого бизнеса.

Эстафету у одессита подхватили два прыщавых молодых человека, устроив в кафе обычную распивочную, которая постепенно превратилась в наркоманский шалман.

Тут терпение окрестного населения лопнуло, в скверике стали собираться группки возмущенных граждан, которые сначала робко подступали к кафе со своими плакатиками, а потом плотно окружили его, и кафе прогорело. Причем, прогорело натурально и основательно: до самого остова железных конструкций, которые торчали посреди скверика, как памятник Кощею Бессмертному и Священному Народному Гневу...

В конце концов, место приобрел дальний родственник главы администрации, сторонник коммунистического прошлого и заядлый участник автогонок.

Он соорудил капитальное сооружение, где сайдинг прикрывал небрежно сложенную кладку, а на входе висела большая вывеска «Общепит».

Будучи ровестником перестройки, новый хозяин и не подозревал, что стейки из семги и шашлыки были столь же частыми гостями советских столовых, как белые медведи экваториальных районов Африки.

Тем не менее, там была неплохая кухня. Тон задавал шеф-повар – узбекский киргиз, который представлялся хозяином, как натуральный китаец. Он замечательно готовил манты, плов и бешбармак, отравляя их запахом настроение всем любителям здорового образа жизни, которые имели привычку пробегать мимо: летом – по дорожкам, а зимой – по лыжне.

Впрочем, плохое настроение совсем не мешало им подкрепляться после тренировки.

Сашенька набросилась на манты с ожесточением львицы, которую не кормили дня четыре, не меньше, потом последовал лагман с обязательным соевым соусом, а закончила все кофе с коньяком, вприкуску с порцией пломбира, усыпанного шоколадной крошкой.

На лице ее заиграл румянец, мы, немного передохнувши от этого тяжелого труда и отправились бродить по шуршащему ковру золотистых листьев.

Некоторое время она молчала, задумчиво пиная ворохи опавшей листвы, как бы любуясь золотистыми переливами, потом ее прорвало:

Что-то проясняется.

– Чем дальше я копаюсь в этой истории, тем менее понятной мне она становится...

Взять, к примеру, «философский пароход». Что заставило в такой спешке высылать огромное количество людей, которые вполне смирились с теми условиями, в какие попали, и даже были согласны на какое-то сотрудничество... Что подтолкнуло этот процесс, когда все было готово в некоторому отступлению? Когда было принято решение о НЭПе?

С другой стороны, я натыкаюсь на описание Берлина, точнее, берлинского общества в двадцатые годы и вижу:

– «Русское общество, в то время, представляло довольно странную картину. С одной стороны, молодежь стремилась влиться в различные немецкие радикальные союзы, с другой – то тут, то там мелькали странные личности, прибывшие в командировку из Москвы и старающиеся познакомиться со многими известными фигурами. Создавалось впечатление, что они, как провинциалы, стараются завязать как можно больше знакомств, чтобы при случае иметь возможность козырнуть ими в незнакомом обществе и создать ощущение «человека из своего круга».

Некоторое время она молчала, задумчиво пиная ворохи опавшей листвы, как бы любуясь золотистыми переливами, потом ее прорвало:

– Чем дальше я копаюсь в этой истории, тем менее понятной мне она становится...

Взять, к примеру, «философский пароход». Что заставило в такой спешке высылать огромное количество людей, которые вполне смирились с теми условиями, в какие попали, и даже были согласны на какое-то сотрудничество... Что подтолкнуло этот процесс, когда все было готово в некоторому отступлению? Когда было принято решение о НЭПе?

С другой стороны, я натываюсь на описание Берлина, точнее, берлинского общества в двадцатые годы и мне не дают покоя эти «странные личности», которые со всеми стараются завести знакомство... стать «человеком из своего круга» Причем, как в Берлине, так и в Париже. Ведь общество и там, и там было одного круга. Если тебя признали своим в Берлине, то признают своим и в Париже... Хорошая почва для создания легенды нелегалу.

—

— Так вот как Исаев-Штирлиц внедрился в Германии... — Пошутил я, но не был понят.

— Не знаю, как Штирлиц, похоже, что такого человека не было... Точнее, он был не русским, а немцем. А вот некий немецкий журналист, который имел прегрешения перед полицией, и коммунистическую фамилию Зорге, в свое время воспользовался этой ситуацией и знакомствами.

Стольман в то время тоже находился в Берлине... И его интересы несколько отличались от философии и математики... В это время он был советником в советском посольстве, а по совместительству — электриком и все время проводил

на заводах, организуя там рабочие ячейки компартии, а при них – боевые отряды...

– Это и есть те радикальные союзы, которые привлекали русскую эмигрантскую молодежь?

– Не только они. Были радикальные группы монархистов, было русское движение, которое поддерживало националистическое движение в Германии, надеясь, что оно поможет свергнуть большевиков в России... Каша была невероятная. Особенно, после Раппальского соглашения.

– Ты хочешь сказать, что это была операция, которую проводили с разведывательными целями?

Чем дальше, тем запутанней

– И она была не одна. Сам посудите: Объявлен НЭП... «Временное отступление, передышка» – так его называли официально. В это же время заключаются странные союзы с Турцией и Германией... В Турцию направляют Фрунзе и Аралова. Причем, последнего срочно перекидывают из Литвы. С того самого фронта невидимой войны, где ожидается самые активные столкновения. Неужели турецкий вопрос так важен для советской республики? Оказывается очень важен. Во-первых, Антанта создает на Кавказе буфер из своих государств, которые препятствовали проникновению коммунизма на юг. Во-вторых, в Турции на полуострове Галиполи находятся остатки врангелевской армии.

– И туда направляют сразу двух посланцев?

– Нет, Фрунзе официально отправился от советской Укра-

ины...

– А кто такой Аралов?

– О! Это легендарный призрак... Один из старейших членов партии. Член РВС республики, руководитель регистрационного бюро полевого штаба РВС республики, то есть, начальник военной разведки, но и председатель ревтрибунала. После гражданской – официальный дипломат. Литва, Турция, Чехословакия, Латвия, Китай... Его агентура простиралась от Уолл-Стрит до дворца Далай-Ламы. Путешествия Рериха, Вавилова – дело его рук. В 36-м – запомни этот год – его арестовывают, приговаривают к расстрелу, но с приходом Берия – отпускают и он «мирно трудится» в литературном институте.

– Но при чем тут Германия?

– В том то и дело, что при чем... Потерпев крах на южном направлении, не достигнув успеха с Курдской советской республикой, руководство большевиков решило отступить и проводить мировую революцию исподволь на европейском направлении. Тем более, что Германия предоставила такую возможность. Договор подписанный в Раппало давал Германии возможность избежать ограничения Версальского договора, разместив авиацию, танки и их производство в Советской России, а взамен последняя получала возможность построить заводы при помощи немецких инженеров, получала опыт немецких конструкторов и ученых, ну и, конечно, советские граждане могли спокойно приезжать в Германию.

Приезд их никем не контролировался, и они могли спокойно менять личину и пересекать границы европейских стран под видом германских граждан из колоний.

Наличие эмигрантского общества, которое жило рядом с немецким, позволяло завязать нужные знакомства, и немец из России не вызывал никаких подозрений.

Вперед к будущему

Каждому человеку, в зависимости от его настроения, в стуке колес слышится свое.

Когда Пармен ехал в Москву, он слышал их вопрошающий перестук: «Куда? Зачем? Куда?»... Теперь он слышал: «Вперед, вперед, вперед!». А впереди его ждала прекрасная перспектива. Он никак не мог забыть разговор с одним влиятельным человеком из Коминтерна.

– Отправка в Германию части оппозиционной интеллигенции всего лишь шаг к мировой революции. – Говорил он, расхаживая по кабинету. – Вместе с ней мы отправили туда и агентов влияния. Сейчас Германия накануне большого переворота. Правительство Саксонии и Тюрингии уже в наших руках. Наступает очередь Пруссии, а затем вспыхнет и вся страна. И все буржуазная интеллигенция побежит во Францию, Англию, Америку, а вместе с ними должны последовать и наши агенты влияния. И в этих странах прорастут и укоренятся зерна будущих революций.

Если хорошенько задуматься, – продолжал он, – то мы

этой ситуации ждали с самого заключения брестского мира. Лев Давидович тогда очень точно рассчитал. Он предполагал, что германские войска, войдя на территорию революционной России, заразятся духом мировой революции и разнесут его по всей Европе, но происки левых эсеров и гражданская война этому помешали. Вашей задачей будет подготовить настроение представителей высших слоев Германии, чтобы они стали ячейками для внедрения новых агентов в тех странах, куда их вынесет волна германской революции. Другие товарищи уже готовят почву для восстаний в Берлине и Гамбурге. Зерна революции были посеяны и в Курдистане. Революция там была подавлена, но ростки ее будут годами пробиваться по всему Востоку, подрывая мощь и влияние Британской империи.

И еще что запомнилось и волновало: Подробный инструктаж о положении и цели работы в Германии должен был сообщить хорошо знакомый Пармену человек, имя которого он узнает в поезде.

Разумеется, было много подготовительной работы.

Командировка должна была выглядеть максимально естественной. Этому мешало только одно: Ермилов был председателем предметной комиссии в математическом институте. Уволить его не было никакой возможности.

Пришлось прибегать к несколько необычному способу. По просьбе Пармена Карин переговорил с комсомольской организацией и университет охватила забастовка.

Горячие комсомольцы требовали, чтобы преподаватели, которые разделяют старорежимные убеждения были отстранены от ключевых постов.

Под этот молот попал и Ермилов.

К величайшему огорчению и удивлению Кузина, которое, впрочем, могло быть и наигранным, Ермилов оказался не только сторонником «классических методов обучения, но и членом религиозной общины, в которой занимал пост дьякона.

Никакие петиции и ходатайства на его не могли спасти его от отстранения от преподавания и ссылки в Нижегородский университет. Против него выступали даже те из студентов, которым он в свое время помог освободиться от военной службы, выдав им рекомендацию для обучения математике. Но в результате и Пармен и Павел получили должности профессоров и успешно сдали магистрантские экзамены.

Надо отдать должное, что после отстранения Ермилова Кузин цеплялся за каждую кандидатуру, которая что-либо понимала в математике и сулила успех в совместной работе.

И вот они с Павлом занимали отдельное купе и направлялись в Берлин. Поезд мчался в неведомую, но светлую даль и колеса его выстукивали:

– Вперед, вперед, вперед!

Павел боже был в возбужденном состоянии.

– Понимаешь, Пармен, я понял, как надо готовить кадры... Надо собрать со всей России детей с буйной фантазией

и дать им задачи... Причем, задачи не из школьного учебника, а реальные математические задачи. Может быть, даже проблемы, которые стоят перед мировой математикой. Постепенно втягивая их в самую суть математики, объясняя им все тонкости, все сложности самого предмета... И мы получим целую плеяду молодых, смелых математиков, которым будет по плечу любая проблема. Мы сможем создать необыкновенную математическую школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.